

Майя Тальви

Соломенный ангел

Истории чайного общества



Майя Тальви

**Соломенный ангел.
Истории чайного общества**

«Издательские решения»

Тальви М.

Соломенный ангел. Истории чайного общества / М. Тальви —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900784-1

Странная комната, диковинная ваза, золотой песок, загадка завещания, таинственные случайности, знаки и связь между ними... Добро пожаловать в чайную Тетушки Розы! На этот раз навсегда к Цаххенскому чайному обществу предстоит услышать истории из мира ночного мрака.

ISBN 978-5-44-900784-1

© Тальви М.
© Издательские решения

Содержание

Спать и видеть	6
Предисловие	6
Первая чашечка	7
Вторая чашечка	11
Третья чашечка	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Соломенный ангел Истории чайного общества

Майя Тальви

© Майя Тальви, 2017

ISBN 978-5-4490-0784-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Спать и видеть *(История, рассказанная бывшим нотариусом Боксом на заседании Цаххенского чайного общества)*

Предисловие

В целом мире вы не найдете столь тихого и располагающего к мечтаниям уголка, как крохотный городок Цаххен. Он уютно расположен в северном краю, скрытый среди гор и лесов так старательно, что даже с высоты птичьего полета кажется зелено-голубым лабиринтом, а вовсе не поселением. Если вам когда-то случалось любоваться картинами Томаса Кинкейда, то вы без труда представите себе наш Цаххен. Это райское местечко для тех, кто долгими зимними вечерами любит наслаждаться покоем, сидя перед растопленным камином, наблюдать за дразнящими вьюгу языками огня и медленно потягивать чай. Впрочем, для любителей созерцания и другие времена года здесь весьма живописны.

Конечно, Цаххен не единственный город, где можно выпить чаю, но уверяю вас, что нигде вам не подадут столь изысканного напитка, как в чайной Тетушки Розы. Именно здесь в пятничные вечера собирается Цаххенское чайное общество. Его участником может стать каждый желающий, имеющий при себе парочку занятых историй, замешанных на мистике. Пусть истории будут сказочными, смешными или, наоборот, ужасными, холодящими кровь; пусть они будут нелепыми, не имеющими начала или окончания, главное – верить в то, что рассказываешь и не смотреть в сторону Кляксы Бокса.

Это бывший нотариус и постоянный член цаххенского чайного общества, доверяющий лишь логике и здравому смыслу. Не знаю, почему его прозвали Кляксой, но предполагаю, что не от большой симпатии. Признаюсь, мне старикан нравится, как и все, кто обладает острым умом и правом на свое мнение. Обычно он молча выслушивает чье-то повествование, а, когда рассказчик замолкает, хитро прищуривает глаза и недоверчиво хмыкает. Иногда его спрашивают о причинах недоверия, и тут бывший нотариус, включая логику, разрушает очарование тайны. Да, Бокс прозаичен, как... как клякса.

Сегодня место председателя занимает сам бывший нотариус, а, значит, ему предстоит нелегкая задача – хмыкнуть в ответ на свой собственный рассказ. Это забавно. Тише, Клякса Бокс начинает...

Первая чашечка

– Чай с бергамотом частенько спасал меня от скоропалительных выводов и глупых поступков. Вот и сейчас, вдыхая аромат логики и строгости, я не хочу обвинять во всем случившемся разрушительные чары мистики. По возможности, постараюсь кратко пересказать события давно минувшего времени, а вы решите сами, что здесь принять за основание: мистику зла или злобную мистификацию.

В дни моей юности приятельствовал я с одним молодым человеком по прозвищу Малыш Дин. Ростом он был невелик, сложением несложен и до крайности худ. Говорили, будто во время работы – он занимал должность помощника аптекаря – Дин постоянно напевал себе под нос докучливую фразу детской песенки «Дин-дин. Длинный день клонится ко сну... Дин-дин. Длинный день»... Надо полагать, это была скучнейшая из всех скучных песен, но ведь и работа у бедняги Дина не располагала к особенному веселью. Скажу прямо: Малыш Дин по праву считался самым унылым юношей города Пааво, куда меня направили по окончании университетских нотариальных курсов.

Признаюсь, при мне Дин не практиковался в вокале, видимо, не желая терять единственного человека, который не избегал общения с ним.

Однажды Малышу Дину приснилась комната. Она была маленькой, заброшенной и настолько бедненькой, что даже Дин, не знавший радостей достатка и роскоши, почувствовал себя неловко. Старые выцветшие обои, бывшие некогда позолоченными, уныло свисали со стен, бронзовая люстра накренилась и брюзгливо скрипела при легком дуновении ветерка, тонкими струйками проникающего сквозь щели в разошедшихся рамах, паркет, казненный временем, превратился в щепки – безрадостная картина.

Но удивительнее всего, что вместе с неловкостью Дин ощутил и необыкновенное чувство радости, как будто нашел то, что искал долгие годы. На колченогом столе возвышалась пропыленная золотая ваза с чудным рисунком: девушка, танцующая на спине льва, уснувшего на огромном барабане. Чем дальше Малыш Дин разглядывал рисунок, тем четче прорисовывались детали. Одной рукой танцовщица придерживала легкую накидку, другой держала песочные часы; изящную шею обвивала маленькая змейка, длинные тяжелые волосы были забраны в хвост, удерживаемый на затылке танцовщицы скорпионом.

Дин не считал себя любопытным, но что-то заставило его сначала заглянуть в вазу, а затем просунуть руку в узкое горлышко диковинного сосуда.

– Чудеса! – сказал Малыш Дин через мгновение, разглядывая крупички золотого песка на ладони.

В реальной жизни Дин слыл человеком скучным, но кто его знает, кем он слыл в мире снов. Случись такое наяву, Дин, не долго думая, схватил бы вазу и спрятал в укромном месте до полного выяснения дела. Но во сне он принялся торопливо рассовывать золотой песок по карманам, опасаясь быть застигнутым врасплох.

Где-то вдалеке слышалась ритмичная музыка, монотонная и пугающая, словно шаги неотвратимости: «Дин-дин. Длинный день клонится ко сну.»

– Надо спешить, – скомандовал саму себе Малыш Дин, и с удвоенной силой принялся золотить карманы полосатой пижамы.

Проснулся Малыш от саднящей боли.

– Что все это значит? – пробормотал он, с ужасом разглядывая свои руки.

Дин, как и все унылые люди, ненавидел сюрпризы. Его жизнь была размеренной до такой степени, что любая форма непредсказуемости вносила разлад в мироощущения, и превращала мир в сгусток трагедии. Он боялся менять работу, он сторонился знакомств, хотя больше всего

на свете желал перемен, но они, перемены, по мнению Дина, должны были происходить «как-нибудь привычно и приятно».

Весь следующий день он тихо просидел за своей стеклянной ширмой, растирая в фарфоровой чаше порошки, взвешивая их и фасуя в маленькие пакетики. Время от времени Дин вздрагивал, подносил руки к лицу, и осматривал ладони, как будто практикуясь в хиромантии.

Реальность – самая жесткая форма мистицизма. За короткий срок аптека, где служил наш герой, закрылась, и Малыш Дин остался без работы. Напряженное переживание, крайняя стесненность в средствах, томительное ожидание добрых вестей и попытки подготовить себя к худшему, вернули забытые сновидения.

Дину вновь приснилась комната. На этот раз Малыш обнаружил четкие следы человека. Следы были большие и, как впоследствии вспоминал Дин, недружелюбные. Гость, побывавший здесь, явно чувствовал себя хозяином, причем раздраженным до крайности. Стол перевернут, обивка старого дивана порезана, обои сорваны и окна разбиты. Единственным уцелевшим предметом была ваза.

Дин ощутил саднящее душу беспокойство. Быстро оглянувшись, он опустил руку в сосуд, проверяя наличие золотого песка, и широко улыбнулся.

Непривычное усилие мышц лица едва не разбудило Дина, в реальности он улыбался редко, а вернее, не улыбался вовсе, слишком мало было причин для радости.

– Ого! – сказал кто-то за его спиной. – Ну и дела! – в дверном проеме стояла молодая женщина, испуганно разглядывая последствия чужого гнева. Круглолицая, румяная, с большими зелеными глазами, она показалась Малышу Дину обворожительной. Впрочем, Дин никогда не обманывался женской красотой, считая её блестящей оберткой от конфеты.

– А это что? – пролепетала миловидное создание, растерянно хлопая длинными ресницами. – А как я здесь оказалась? Это вы здесь всё так сломали? А здесь чего?

– Вазу не трогать! – рявкнул Малыш, чем удивил себя и напугал до слёз барышню.

Она присела на уголок дивана между ржавыми пружинами и разрыдалась, закрыв личико ладонями. Дину стало неловко за грубость, и он зачем-то сказал.

– Здесь золото.

Барышня всхлипнула, осторожно заглянула в вазу и разрыдалась еще громче.

– Золото здесь, – повторил свистящим шепотом Дин и для наглядности вытащил из вазы пригоршню золотого песка.

Девушка вновь всхлипнула, но быстро повторила движение Малыша Дина. Взглянув на свою руку, она испугалась настолько, что перестала даже плакать. Тонкая белая ладонь окрасилась алым цветом крови.

«Дин-дин. Длинный день клонится ко сну» – прозвенели вдали колокольчики.

– Интересное кино, – удивился во сне Малыш Дин, хотя наяву удивлялся редко. Он так сильно был поражен собственным состоянием недоумения, что проснулся.

Привычка к порядку и систематизации заставила Дина взять карандаш, блокнот и подробнейшим образом записать увиденное. Поскольку друг мой не обладал ни литературным, ни художественным даром, то дело шло из рук вон плохо.

Картинки на золотой вазе Малыш разгадал без труда. Лев, барабан, танцовщица, часы, змея, скорпион – всё это было символами обрыва линии жизни или обрыва линии прошлого. Символы, принадлежащие разным культурам и эпохам, чудом соединились в одном сюжете, но связать их воедино Дин не мог.

Остаток ночи Малыш просидел у окна, снова и снова возвращаясь к мыслям о знаках сновидения. По всему выходило, что либо Дин в скором времени завершит свой жизненный путь, либо его ожидает изменение в судьбе. По мнению Малыша второе было ничуть не лучше первого.

Лучи восходящего солнца немного взбудрили моего приятеля. С улицы донесся звук первого трамвая, зашуршали шины авто, кто-то включил радио, за стеной загремели посудой, по тротуару застучали каблучки, зашаркала метла дворника, залаял скандальный пёс, выпущенный в солнечное утро – всё пришло в движение, всё вдохнуло в себя жизнь, всё вошло в привычную колею.

Желая избавиться от наваждения окончательно, Дин привел себя в порядок, оделся, схватил портфель и выскочил на улицу без всякой необходимости – по привычке. Вместе с толпой рабочих, служащих, домохозяек и владельцев авто, стоявших в ремонтных мастерских, Малыш, как обычно, поскучал на остановке, вскочил на подножку трамвая, плюхнулся на свободное кресло и успокоился. Он даже немного задремал, но тут же очнулся, услышав тихие всхлипывания.

Соседнее кресло у окна было занято молодой женщиной. Малыш Дин никогда не обольщался на свой счет и предпочитал держаться подальше от красавиц, оберегая покой души, поддерживая ровное биение сердца – в общем, всячески избегал того, что люди называют несчастной любовью. Ему и без того хватало неприятностей. Но...

Малыш открыл рот и уставился на даму самым неделикатным образом. Это была та самая женщина! Зеленоглазая, румяная барышня, приснившаяся Малышу Дину.

Он ущипнул себя за ухо и, убедившись в реальности происходящего, живо поинтересовался:

– Мы с вами не знакомы?

Девушка всхлипнула и улыбнулась.

– Это ваш обычный способ знакомства? – красавица поправила челку и смахнула слезинку со щеки. – Не обращайтесь внимания. Мой дядюшка... он... простите. Я не должна портить вам настроение. Не правда ли, прекрасное утро.

– С вашим дядюшкой приключилось несчастье? – посочувствовал Малыш Дин

– Нет, ничего такого, – барышня вздохнула и кротко посмотрела на собеседника. – Мне не приходилось встречаться с дядей. Такая нелепость. Мои родители погибли, когда мне было три года. Я росла сиротой. Думаю, вы не поймете меня.

– Я понимаю вас! – воскликнул Малыш Дин и зажал рот рукой.

Убедившись, что его эмоции не привлекли ненужного любопытства, он шепотом продолжил: – Уверю, я понимаю вас лучше, нежели все прочие, выросшие в неге и ласке.

– Неужели вы тоже сирота? – ахнула прекрасная незнакомка.

– Может быть, у меня и есть родственники, но я о них ничего не знаю, да и они едва ли жаждут знакомства со мной. Возможно, это к счастью. Так что с вашим дядюшкой?

– Мой дядя, к несчастью, богат. Можно подумать, что я претендую на родство из-за денег.

– Но это, разумеется, не так?

– Нет. Вчера мой дядя прислал письмо, в котором просил меня о незамедлительной встрече. Он болен. Он очень болен. Простите, что говорю вам это. Мне некому сказать и не с кем посоветоваться. Всё так неожиданно. Дядя сообщил о том, что оставляет мне в наследство какую-то вещь.

– Стоящую больших денег, – уверенно дополнил Малыш Дин. – Серьезных денег.

– Не знаю. Вещь считалась пропавшей после войны. Какая-то старая вещь... Пойдите! Вот, что пишет мой дядя, – барышня вытерла носик платком и достала из кармана широкой юбки сложенный вдвое листок. – Где же это? Ах, вот! «Считается, что ее постигла участь переплавки». Что бы это значило?

– Только одно, – задумчиво ответил Дин. – Вы очень доверчивы. И еще: в переплавку пускались, изъятые после войны предметы из драгоценных металлов. Например, коллекционные статуэтки, известные по каталогам. Чтобы их не обнаружили, золото переплавлялось. Посуда, например, тарелки, кувшины, чаши, – Малыш неожиданно икнул и медленно добавил: – и вазы.

– Да? – удивилась красавица. – Я ничего этого не знаю. Как хорошо повстречать умного человека! Я совсем растерялась, смешалась и не знаю, что делать. Даже себя не помню от недоумения. – Она вновь всхлипнула. – Я уже целый час езжу в трамвае, не решаясь сойти. Кружусь около дядиного дома. Боюсь. Счастье не для таких, как я. Глупо доверять случаю и надеяться на то, что случай станет шансом. Я боюсь случайностей.

– На вашем месте я поторопился бы к умирающему дяде, – посоветовал Малыш, внезапно становясь решительным.

– У него есть условие, – девушка закусила губу и закрыла глаза, предоставляя Дину решать продолжить беседу или прервать ее.

– Успокойтесь. Что за ультиматум предложил дядя?

Вторая чашечка

Итак, друзья мои, пришло время второй церемонии. Не стоит пить чай сразу после заварки. Но и не нужно слишком долго его настаивать, от этого он станет горьким. Правильно выбранное время ожидания – залог успеха не только в приготовлении напитков, но и в действиях человека.

Девушку звали Анной. Ничего удивительного, учитывая, что едва ли каждую третью даму в Пааво звали именно так. Это отчего-то насторожило Малыша Дина. Впрочем, я уже говорил: Дин в принципе крайне настороженно относился ко всему непривычному, и новые люди, даже очень симпатичные, смущали его до крайности.

– Дин. – Малыш назвал своё прозвище, выдав его за имя.

В доме дяди Анна и Малыш гостили уже третий день. Большой двухэтажный особняк, окруженный тенистыми деревьями и густыми зарослями алых роз, произвели на Дина ошеломляющее впечатление, а терпкий аромат цветов, просачивающийся в дом, тревожил душу, вызывал легкое головокружение и непонятное томление души.

Анна, обретя родственника в лице дядюшки, была счастлива. Она старалась поделиться переполнявшим ее чувством со всем окружающим миром. Казалось, даже серые камни особняка обрели некоторую живость от присутствия красивой молодой особы, а солнце стало чаще заглядывать в глухие уголки сада.

– Правда, мой дядя очень милый? – шепотом спрашивала Анна и, требуя положительного ответа, легко касалась руки Малыша Дина. – Конечно, не без странностей, но это простительно в его годы. Интересно, какими станем мы, если доживем до почтенного возраста? И потом, каприз моего дяди – это проявление беспокойства и заботы обо мне. Страшно представить: я могла бы не увидеться с дядюшкой, не согласись вы играть роль моего жениха. Хотя, дядя требовал, чтобы я привезла мужа. К счастью, милый старичок не стал упрямиться.

Дядя, крепкий мужчина лет семидесяти, с цепким серьезным взглядом и суровым морщинистым лбом, не вызвал у Дина симпатии. Возможно, причиной тому стала огромная черная родинка на кончике дядиного носа, а возможно, Малыш просто испытывал ревность человека, которому в присутствии другого уделяется меньше внимания. Предсмертной немочи или затаенной скорби угасающей жизненной силы в дяде не обнаруживалось, выглядел он здоровяком.

– А что вы хотите? – усмехнулся однажды дядя, перехватив внимательный взгляд «жениха» племянницы. – Моя болезнь появилась не вчера, я успел свыкнуться с мыслью ухода. Знаете, Дин, в predeterminedности тоже есть ощущение свободы. Свобода отсутствия выбора, вот, что это такое. Да. Теперь дни мои на исходе. Нет, мой дорогой, я не стремлюсь остаться в чьей-то памяти единственным светлым пятном, я не стремлюсь сделать доброе дело напоследок. Но больше всего я не хочу, чтобы самое дорогое, что у меня есть, ушло из семьи, поэтому решил оставить ценность Анне, но женщиной кто-то должен помочь распорядиться ценностью правильно. Женщины редко наделяются даром принятия правильных решений. Они живут чувствами, эмоциями. Я рад, что рядом с ней будет здравомыслящий человек. Вы ведь здравомыслящий человек, Дин? Какое странное у вас имя.

Малыш молчал. Он, действительно, был здравомыслящим человеком, и, как всякий здравомыслящий человек, предпочитал молчать и слушать: не ровен час, сболтнешь лишнее, и дядя потребует предъявить документы. Да еще эта дядина родинка! Она ужасно отвлекала внимание.

– Хм, да, – продолжал дядя. – Хорошо еще и то, что вы не ставите мне в упрек моё прошлое невнимание к Анне. Вы так молоды, а люди в таком возрасте слишком категоричны.

Я готов был услышать от вас отповедь. Больше двадцати лет я предпочитал не вспоминать о племяннице. Это так. Прежде чем дарить добро, надо его накопить. Я копил.

Малыш Дин подернул уголками губ, что уже означало улыбку. От слов дяди веяло циничностью, но то внимание, которое он, пусть на закате своей жизни, оказывал Анне, выдавало в нём человека, пожалевшего о многом в своей жизни, но упрямо не желающего признаваться в своих ошибках.

– Да, – продолжил дядя. – Кроме Анны есть еще два наследника, но это так, к разговору. Странно, но чаще всего мы вспоминаем о родственниках, когда нам необходима помощь, и не помним о них, когда помощь нужна им. Я не исключение, но надеюсь, они не обидятся на старика. Георгию – коллекция фарфора, Даниилу – дом.

– Что же отходит Анне? – спросил Малыш.

– Вы определенно мне симпатичны, Дин. Деловой человек – это лучшее, что могла получить Анна от жизни. Пойдемте!

Дядя достал из кармана связку ключей, близоруко прищурившись, выбрал один и сделал знак рукой, приглашая следовать за ним.

– Прошу вас простить беспорядок в комнате. Долгие годы она служила сейфом. Временами, когда мне становилось не по себе, когда мысль о кончине еще тревожила, я находил здесь утешение.

Тяжелая дверь, снабженная хитрой системой охраны, открылась.

Комната была маленькой... Старые выцветшие обои... Бронзовая люстра... Паркет, превратившийся в щепки... На колченогом столе – золотая ваза – всё, что было сном стало явью. Одна маленькая неточность: на вазе из реальности не было никаких рисунков.

Дядя уверенно протопал к дивану, оставляя за собой на пыльном паркете большие следы.

– Вот она! – с придыханием сказал дядя, указывая на вазу. – Её стоимость равна стоимости дворца падишаха, вместе с гаремом падишаха и душой падишаха. Согласитесь, Дин, глядя на неё, забываешь обо всем на свете. Сидя здесь, на диване, я находил оправдания отравителям, душегубам, льстецам и лгунам – всем, кто когда-то пытался завладеть этой вазой. Если бы было возможным продать душу дьяволу хотя бы еще за один год жизни под одной крышей с ней, я продал бы душу.

Дядя внезапно захрипел, схватился за ворот белоснежной рубахи и рванул его так, словно пытался освободиться.

– Не беспокойтесь, всё в порядке. Дыхание перехватило. Вы осуждаете меня, Дин? – родинка на кончике дядиного носа стала похожа на переспевшую вишню.

Малыш промолчал, задумчиво разглядывая пропыленный паркет и оставленные дядей следы. Кажется, дядя спросил о чем-то? Пустяки! Разве можно ждать правды от человека, который уже три дня живет под чужим именем? О чем бы его, Дина, ни спросили, как бы он, Дин, ни ответил – уже ложь. К тому же, была еще одна странность: и Анна и Малыш окликали гостеприимного хозяина «дядя», по его собственному настоянию. Настоящего имени Малыш Дин спросить не рискнул. Дядя мог сделать ответный ход, и тогда бы выяснилось, что Дин совсем не Дин и, кто знает, к чему бы это привело в дальнейшем. Забегая вперед, скажу, что это было весьма предусмотрительно.

В остальном, время проходило приятно. Беседы, прогулки, разгадывание и сочинение шарад, шахматные партии с дядей, заботливое тепло Анны, накопленное за годы одиночества, сглаживали волнение Малыша.

– Не поверите, – блаженно улыбался дядя, – я впервые так много общаюсь. Знаете, Дин, богатые люди очень несчастны. Они вынуждены ограждать себя от общения. Соседи прозвали меня затворником. Я не знаю даже имен тех, кто живет со мной по соседству, а они никогда не видели меня. Я не жалею, нет. Мне не было дела до других людей. Двадцать лет назад я поселился в этом доме и с тех пор носа не высывывал. Продукты мне приносили каждое утро

и оставляли у калитки. Родственников я знаю только понаслышке. Знаете, родственники – это обуза для состоятельного человека. До них мне тоже не было дела. Я охранял свою вазу, в ней поселилась моя душа. Наверное, можно отдавать свою душу людям, но они, в отличие от произведений искусств, не совершенны. Странно, как умудряются эти далекие от идеала существа создавать идеальные предметы. Эта ваза, она...

– Мой бедный богатый дядя, – шептала Анна, глядя морщинистые руки старика. – Ваза не сможет дать вам живого участия. Только люди умеют утешать, прощать и делать счастливыми.

– Анна, ты банальна до слёз, как большинство женщин, – дядя желал выглядеть строгим, но улыбка робкая и трогательная, делала его намерения невозможными. – Женитесь на ней, Дин. Такие женщины не способны на искрометные сюрпризы, но они не совершают неожиданных гадостей.

Однажды, когда беседа вновь коснулась женитьбы, Анна, обычно стеснявшаяся подобных разговоров, вмешалась:

– Я не понимаю, что вы там такое говорите, – рассмеялась она, – давайте пить чай. Кажется, сегодня у меня получился дивный медовый пирог. Первый пирог в моей жизни! Нет, нас в приюте учили, но мне ... – Анна зарделась и смешалась, бросив несколько испуганный взгляд на Малыша, дядю, снова на Малыша, – мне кажется, кулинарные способности здесь были ни при чем, мне некого было любить... А сегодня у меня получился... получился славный пирог... кажется.

Дядя прослезился от умиления и заявил:

– Тогда я заварю чай. Такой чай, Анна, ты больше никогда и нигде не найдешь... и не захочешь. Это я тебе гарантирую! – дядя ласково провел рукой по волосам Анны и, подмигнув Малышу, добавил: – А Дин, тем временем, придумает новые шарады.

Малыш Дин обожал сочинять загадки, но терпеть не мог чай и медовых пирогов, предпочитая сухарики и дешевый кофе. У Малыша была аллергия на мед, а от чая ему делалось дурно. К тому же, он был беден и консервативен в своих привычках. Пока обретшие друг друга родственники накрывали на стол, Дин задремал.

«Дин-дин. Длинный день клонится ко сну!» – пропел незнакомый голос.

Малышу приснилась комната. Но он был в ней не один. На краю дивана важно восседал тощий седенький карлик со спутанной бородой. Он шумно дышал и обиженно смотрел на Дина. Когда карлик соскочил с дивана и подбежал к столу, Дин отметил необыкновенную хромоту маленького старичка: карлик припадал на обе ноги. Низкорослик что-то кричал, стучал по столу кулачком, но звон колокольчиков «Дин-дин. Длинный день...» перекрывал слова и звуки.

В этом сне Малыш увидел, откуда исходит звон. Нарисованный на золотой вазе лев проснулся и, грозно рыча, громыхал могучей лапой по звонкой коже барабана. На спине льва легко и спокойно вальсировала девушка с песочными часами в руке. Песок сонно струился по стеклянным стенкам часов, шелестя утекающими секундами, словно страницами старых сказок. Бойкая тонкая змейка на шее танцовщицы извивалась, пытаясь помочь удержать соскальзывающую с груди хозяйки невесомую накидку. Скорпион, удерживающий копну волос девушки, ожил. Всё двигалось, громыхало, скользило, шелестело, шипело, скрипело, создавая непереносимую музыку ритма «Дин-дин. Длинный день клонится ко сну».

Карлик продолжал стучать кулаками по столу и кричать. Убедившись, что его не слышат, старичок, хромая, подбежал к Дину и, подпрыгнув, залепил ему звонкую оплеуху.

От неожиданности Малыш Дин проснулся. Он извинился и вышел из комнаты, сопровождаемый удивленным взглядом дядюшки и обиженным восклицанием Анны:

– А пирог? Дин, я впервые в жизни испекла пирог!

Малыш понятия не имел, что станет делать, но был уверен в одном: сон уже давно просочился в реальность и требует реальных действий. Танцующие, подвижные, шумящие символы антижизни неожиданно сложились в осознание происходящего.

Первым делом он спустился этажом ниже и набрал номер нотариальной конторы, где я тогда служил. Голос Дина меня встревожил.

Третья чашечка

Чай с бергамотом – напиток мудрецов и приверженцев чистой логики, но даже он не способен помочь мне понять, что же случилось на самом деле. Листья чая, горячая вода, бергамот – отдельные части целого, но еще не чай. Факты этой истории – картинки правды, но не картина истины.

Если Малыш Дин был искренним со мной, то его положение не вызывало зависти. Вообразите себе молодого человека с дырой в кармане, чужим именем и весьма сомнительным будущим. Что случится потом, когда наследные дела Анны решаться и необходимость игры в жениха и невесту перестанет существовать как необходимое условие? О чем он только думал, предложив случайной попутчице свою помощь? Последнее сновидение Дина разрушило возможность представить происходящее в качестве забавной авантюры.

Итак, Дин позвонил мне, умоляя приехать, как можно быстрее, что бы предотвратить «то, что сложно объяснить и невозможно доказать».

Вернувшись в комнату, Малыш просил дядю открыть комнату-сейф, чтобы еще раз полюбоваться золотой вазой.

– Какой нетерпеливый! – рассмеялся дядя. – Подождите, Анна насладится моим фирменным чаем, тогда и полюбуемся все. Идолам сподручнее поклоняться на сытый желудок.

– Но...

– Чай, Дин! – дядя прикрикнул на Малыша так, будто одергивал забывшего о послушании щенка.

Малыш снова хотел возразить, но прикусил губу, опасаясь гнева хозяина. Большая родинка на кончике дядиного носа побагровела.

Дин тихо уселся на стул и принялся крошить кусок пирога в чашку, содержимое которой, при удобном случае, вылил в цветочный горшок. Анна и дядя с нежностью неотрывно смотрели друг на друга, вкушая медовый пирог и запивая его чаем.

После того, как часы пробили окончание ужина, все трое направились любоваться золотой вазой. Дядя с полуулыбкой смотрел на племянницу, Анна бережно поддерживала дядю за локоть, точно опасаясь потерять обретенного родственника.

Вынужденный отказ от ужина ободрил Дина, он ощутил прилив смелости. Надо сказать, Малыш имел на это полное право. Теперь, когда ничего уже не возможно было предотвратить, Дин ощутил свободу. Дядя был прав: отсутствие выбора освобождает от ответственности.

Смело, без трепета, по-хозяйски войдя в комнату-сейф, Малыш переставил тяжелую вазу на пол и сдернул со стола пожелтевшую от времени скатерть. И дядя, и Анна дружно-родственно онемели от изумления.

Обнаружив то, что искал, Дин подернул уголками губ. Как он и полагал, стол оказался раздвижным, но при попытке придать предмету интерьера другую форму, стол жалобно заскрипел и развалился.

– Что? Что вы делаете, Дин? – закричал дядя, обретая дар слова. – Что вы себе позволяете?

Щеки дяди подернулись бледностью, на лбу выступили крупные капли пота, он тяжело и прерывисто дышал, переводя недоуменный взгляд стекленеющих глаз то на Дина, то на выпавший кусок картона.

– А-а-а, чёрт! – дядя схватился за горло, махнул рукой и медленно опустился на диван. – Что-то мне нехорошо. Дин, врача!

– Я вызову! – крикнула Анна и громко заплакав, бросилась к телефону.

– Вы способны говорить, дядюшка? – спросил Малыш, поднимая кусок картона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.